

ЭКО (Есо) Умберто (р. в 1932) — итальянский семиотик, философ, специалист по средневековой эстетике, писатель и литературный критик. Генеральный секретарь Международной Ассоциации по семиотическим исследованиям, профессор семиотики Болонского университета. Основные философские сочинения: «Трактат по общей семиотике» (1975), «Проблема эстетического у Св. Фомы» (1956), «Семиотика и философия языка» (1984), «Путешествия в гиперреальности» (1987), «Пределы Интерпретации» (1990), «Поиск совершенного языка» (1995) и др. Исходные позиции методологии Э. вызвали вне знакового подхода к анализу культуры и лишь впоследствии были переведены на язык семиотики. В докторской диссертации (1956), посвященной эстетике Фомы Аквинского, Э. трактовал средневековую эстетику как философию космического порядка и усматривал в ней истоки западно-европейского рационализма, его упорядочивающее, иерархизирующее начало. Главным направлением развития западной мысли Э. считает переход от моделей рационального порядка, выраженного наиболее ясно в «Сумме теологии» Фомы Аквинского, к ощущению хаоса и кризиса, которое преобладает в современном опыте мира.

К такому выводу Э. пришел, анализируя модернистскую поэтику

Дж.

Джойса и эстетику авангарда в целом, в которых разрушается классический образ мира, но «не на вещах, а в и на языке». Даже учитывая динамичную природу западной культуры, ее желание интерпретировать и апробировать оригинальные гипотезы, Э. не сомневается в том, что культура находится в состоянии кризиса: «порядок слов больше не соответствует порядку вещей», система коммуникаций, имеющаяся в нашем распоряжении, чужда исторической ситуации, кризис репрезентации очевиден. В 1960-е, апологизируя авангард, исследуя роль и значение mass media в современном обществе, Э. видит выход в изобретении новых формальных структур, которые могут отразить ситуацию и стать ее новой моделью. Э. предлагает условную лабораторную модель «открытого произведения» — «трансцендентальную схему», фиксирующую двусмысленность нашего бытия в мире. Понятие «открытое произведение» прочно вошло в современное литературоведение, оно предвосхитило идею множественности в искусстве, постструктуралистский интерес к читателю, тексту, интерпретации.

Поскольку способ, которым структурированы художественные формы, отражает способ, которым наука и современная культура воспринимают реальность, постольку модель «открытого произведения» должна отражать смену парадигмы, утверждать ранее не существовавший код; так как информация прямо пропорциональна энтропии, а

установление жесткого кода, единственного порядка ограничивает получение информации, то Беспорядок даже полезен (тем более, что таковым он выступает по отношению к исходной организации, а по отношению к параметрам нового дискурса — как порядок). Открытое произведение элиминирует возможность однозначного декодирования, открывает текст множественности интерпретаций, меняет акценты во взаимоотношениях текстуальных стратегий — автора и читателя. В конце 1960-х Э. существенно пересматривает свои взгляды: крах авангардистского проекта, знакомство со структурализмом и теорией

Пирса обусловили его переход к семиотической проблематике. Фундаментальная методологическая установка Э. на смещенную, уклончивую природу нашего знания о реальности, признание методологического, а не онтологического характера теории и гипотетической сущности структур, в отличие от общей структуралистской установки («подлинная структура неизменно отсутствует»), определяют своеобразие его семиотики и характерной для него терминологии. Идея бесконечной интерпретации трансформируется в идею неограниченного семиозиса как основы существования культуры, интерпретативный цикл означает возрастание энциклопедии (потенциальный резервуар информации и регулятивная семиотическая гипотеза). Энтропии, согласно Э., удается избежать по той причине, что язык — это организация, лишенная возможности порядка, однако допускающая: смену кодов (тем более, что коды рождаются на основе договора, утверждаются и канонизируются данным социумом), выдвижение новых гипотез и их включение в систему культурных установлений. Отношения «означаемое — означающее» (структура знака по Соссюру) представляются Э. не зависимыми от референта.

Семиотика Э. интересуется лишь замкнутым пространством культуры, в котором господствует Символическое (по Э., «знаки — единственные ориентиры в этом мире»), порождающее смыслы и оперирующее ими без обращения непосредственно к физической реальности. Проблема разграничения семиотики и философии языка трактуется Э. как соотношение частной и общей семиотики.

Специальная семиотика — это «грамматика» отдельной знаковой системы, а общая семиотика изучает целостность человеческой означивающей деятельности. Если семиотические интересы Э. располагаются между семиотикой знака (Пирс) и семиотикой языка (Соссюр), то его философские взгляды связаны прежде всего с постструктуралистской и постмодернистской версиями культуры. Э. создает семиотический вариант деконструкции, которому присущи представления о равноправном существовании Хаоса и Порядка («эстетика Хаосмоса»), идеал нестабильности, нежесткости, плюрализма. Э. солидаризируется с постструктуралистами в вопросе о предназначении семиологии: ее объект — язык, над которым уже работает власть. Семиотика должна обнажить механизм «сделанности» культуры, явиться инструментом демистификации и

деидеологизации, эксплицировать правила «кодового переключения» в культуре. Э. интересуется принципиальная возможность единого (но не унифицированного) семиотического подхода ко всем феноменам сигнификации и/или коммуникации, возможность выявления логики культуры посредством различных означающих практик, которые могут быть частью общей семиотики культуры. (См. также Лабиринт.)

А. Р. Усманова